

ТЕМА 7. ДИСКРИМИНАЦИЯ ПО ПРИЗНАКУ ЯЗЫКА

Цель лекционного занятия: сформировать у студентов понимание концепции языкового равенства, основанной на нормативно-правовом материале и результатах современных научных исследований; дать представление о проявлениях дискриминации по признаку языка и механизмах ее предотвращения.

Задачи лекционного занятия: дать определение дискриминации по признаку языка в контексте международных, зарубежных и отечественных стандартов; рассмотреть языковую дискриминацию во взаимосвязи с нарушениями других прав человека; проанализировать особенности практического применения норм о запрете дискриминации по языковому признаку в международных органах и национальных судах.

Наравне с термином «дискриминация по признаку языка» употребляются синонимичные ему термины «языковая дискриминация» и «лингвистическая дискриминация». Анализ международно-правовых актов позволяет определить дискриминацию по признаку языка как любую форму неоправданного различия или ограничения, которая ослабляет или сводит на нет пользование человеком правами, закрепленными в международно-правовых документах или внутреннем законодательстве, из-за его языковой принадлежности. Существует также точка зрения, что понятие дискриминации по признаку языка следует дополнить, включив в него и действия, направленные на то, чтобы сохранение или развитие языков меньшинств не поощрялось или ставилось под сомнение. Первую часть данного определения можно сформулировать более кратко: языковая дискриминация имеет место, если с одним человеком обращаются хуже, чем с другими в сопоставимой ситуации, из-за того, что он не владеет или недостаточно владеет официальным языком, установленным в данном государстве или в данной местности. Что же касается второй части предлагаемого определения, то она порождает много споров и требует комментария. Следует отметить, что невыполнение государствами юридических обязательств в области защиты и поощрения языковых меньшинств, принятые ими на себя в соответствии с ратифицированными международными конвенциями и внутренним законодательством, не всегда означает, что в отношении языковых меньшинств имеет место дискриминация. Включение этой части определения в общую дефиницию языковой дискриминации означает скорее перспективу, к которой движется судебная практика и научная дискуссия в данной области, чем реальное восприятие проблемы правоприменителями и учеными-юристами на текущий момент.

Неоднозначность подходов к определению понятия языковой дискриминации ставит перед преподавателем задачу провести водораздел между те-

мой дискриминации по признаку языка, с одной стороны, и темой защиты, сохранения и продвижения языков, с другой. Важно иметь в виду, что невыполнение каким-либо государством позитивных обязанностей в области сохранения и развития языков меньшинств на своей территории не всегда признается нарушением принципа равенства, порождающего дискриминацию. В то же время, при анализе практики международных органов обращает на себя внимание то, что заявители крайне редко признаются жертвами дискриминации по признаку языка, хотя при исследовании фактов, послуживших основанием для подачи жалоб, подобные решения представляются, как минимум, спорными. Узкое толкование дискриминации судами (в том числе международными) приводит к тому, что позитивные меры, направленные на защиту языкового равенства, рассматриваются правоприменителями как предоставляемые языковым меньшинствам преимущества, основной целью которых является не столько выравнивание статуса говорящих на этих языках граждан при пользовании ими индивидуальными правами, сколько сохранение многообразия культур и языков.

Основной вопрос, который поднимают заявители в своих жалобах, связан, как правило, с необходимостью использования государственного языка в публичной сфере и законодательными ограничениями на использование в государственных или административных органах других языков. По прагматическим, политическим и экономическим причинам преференции в использовании отдаются тому языку, который является родным для большинства населения. Это неоднократно приводило к постановке вопроса о языковой дискриминации лиц, для которых официальный язык родным не является, однако существуют серьезные основания считать подобные преференции обоснованными и необходимыми. Проведение различий, порождающих дискриминацию, запрещается лишь тогда, когда оно осуществляется на основании признаков несущественных, произвольных и неоправданных. Совершенно очевидно, что количество языков, на которых говорят жители многоэтнических государств, столь велико, что их одновременное использование в публичной сфере полностью парализует управление. Существуют и другие веские причины для введения государственных и официальных языков. Здесь следует предложить студентам назвать эти причины и далее обсудить, почему введение государственного языка не считается дискриминацией языковых меньшинств.

Как ни странно, наиболее частым аргументом национальных и международных судов в пользу отсутствия дискриминации при наложении обязанности использовать государственный язык является тот, что эта обязанность налагается на всех лиц в равной мере, и носители государственного языка точно так же не могут использовать язык какого-либо меньшинства при общении с государственными органами, как и носители языков меньшинств. Хотя такой подход является превалирующим, очевидна его узость с точки зрения теории прав человека, поэтому у него много критиков среди ученых, специализирующихся на проблемах языковых прав. Критики обращают внимание на то, что для обеспечения принципа реального равенства имеет значение именно конечный результат, поэтому языковая политика государства, направленная на установление одного какого-либо

языка в качестве официального, может лишь на первый взгляд казаться соответствующей принципу равенства: «Конечным результатом такой политики может стать эффективная дискриминация говорящих на языке, не являющемся официальным. Если люди стартуют с разных позиций, они не придут к финишу на равных условиях только в силу того, что с ними будут обращаться одинаково. Следовательно, настоящее равенство требует признания различий и того, чтобы с разными группами обращались по-разному для того, чтобы они, в конечном итоге, пришли к финишу на равных».¹ Аргумент, что введение государством единого языка для всех означает, будто бы с каждым обращаются одинаковым образом и что, таким образом, между отдельными людьми не проводится активного различия, де Варенн назвал «одним из наиболее частых заблуждений». То, что каждый может посещать те же самые занятия в школе или получать те же самые справки и услуги от административных органов, еще не означает, что обращаются с каждым равным образом с точки зрения принципа недискриминации.²

При рассмотрении судебных решений, в которых поднимается вопрос о языковой дискриминации, следует иметь в виду указанное различие в подходах. Представляется, что статус государственного языка логичнее обосновать с прагматической и экономической точки зрения (как обоснованное, соразмерное, разумное, произвольное ограничение прав тех, для кого официальный язык не является родным, в строго в определенной сфере), чем пытаться доказать, что его введение не противоречит принципу равенства говорящих на разных языках.

Следует обратить внимание на то, что запрет дискриминации по признаку языка выражен в международно-правовых документах и национальном законодательстве государств достаточно четко, в то время как моральные обязательства государств в сфере защиты языковых прав — достаточно обобщенно и неконкретно. Кроме того, как будет видно из примеров судебной практики (например, из материалов дела о языках в Бельгии, рассмотренного Европейским Судом по правам человека), попытки государства принять позитивные меры для сохранения и продвижения одних языков часто поднимают новые вопросы о дискриминации — теперь уже в отношении иных языков на той же территории.

Специфической особенностью дел о языковой дискриминации является и то, что ее наличие или отсутствие зависит от ряда критериев, которые не применяются при анализе случаев дискриминации по другим основаниям, например, по признаку расы или религии. К этим критериям относятся: число говорящих на языке, возможность государства создать условия для использования других языков, необходимость введения других языков для использования в публичной сфере (необходимость, в свою очередь, определяется желанием самих говорящих продвигать свой язык в качестве офи-

¹ Noelle Higgins, цит. соч., с. 2, абз. 3. Интерес представляет также подробный анализ концепции равенства, который содержится в особом мнении судьи Дж.Танаки по делу Южно-Западной Африки, 1966.

² De Varennes, Ferdinand. Language, Minorities and Human Rights. Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, , vol. 45, 1996, p. 54.

циального и реальной потребностью в этом). Вопрос о том, является или не является отказ государственных органов от использования определенного миноритарного языка (языка меньшинства) в государственно-правовой сфере дискриминацией говорящих на нем, будет проводиться с учетом этой «скользящей шкалы»¹.

Поскольку ни российское, ни международное право не содержит дефиниции термина «языковая дискриминация», данное нами определение основано на трех видах документов: международно-правовых документах всеобщего характера, где право на свободу от дискриминации, в том числе по языковому признаку, упоминается в кругу других прав человека; документах, которые были приняты специально для защиты от дискриминации, в том числе по признаку языка; документы, которые были приняты для защиты прав национальных меньшинств.

Основными международно-правовыми актами, которые содержат запрет дискриминации по языковому признаку, являются документы ООН и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 14 плюс Протокол № 12 к Конвенции). Ст. 1(3) Устава ООН включила язык в перечень оснований, по которым дискриминация недопустима. Запрет на дискриминацию по языковому признаку содержится также в ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Схожие положения содержатся в ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП). Однако наибольшую практическую ценность имеет ст. 26 МПГПП, поскольку решения Комитета по правам человека ООН (КПЧ), в которых исследовался вопрос о языковой дискриминации, были основаны на положениях именно этой нормы. Необходимо обратить внимание и на ст. 27 Пакта.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), в отличие от ст. 26 МПГПП, вводит запрет дискриминации по языку лишь в отношении прав, предусмотренных самой Конвенцией, в связи с чем жертвы языковой дискриминации больше рассчитывают на успех в КПЧ, чем в Европейском Суде по правам человека.

В российском законодательстве запрет на дискриминацию по признаку языка и гарантии равенства независимо от языковой принадлежности личности содержатся в Конституции РФ (ст. 19 ч. 2; ст. 26 ч. 2; ст. 68 ч.2 и ч. 3), законах «О языках народов Российской Федерации», «Об образовании», «О национально-культурной автономии». Гарантии использования языков народов РФ в сфере судопроизводства, административного управления, при проведении выборов, в топонимии и в других сферах жизни с целью недопущения нарушения прав граждан из-за их языковой принадлежности содержатся в ГПК РФ и УПК РФ, ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», ФЗ «О наименованиях географических объектов», ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

В ряде стран существуют специальные законы, определяющие статус различных языков, их использование в государственной и частной сферах жизни, а также меры, направленные на защиту и сохранение языков мень-

шинств. Примерами могут служить «Закон о языках» Финляндии № 423 от 2003 г., «Закон о продвижении фризского языка в публичной сфере (Закон о фризском языке)» Германии 2004 г. или упомянутый уже Закон РФ «О языках народов Российской Федерации»,¹ которые являются настолько разными по целям, задачам и механизмам реализации, что их анализ с точки зрения проблем дискриминации, которые они решают или, наоборот, могут порождать, может стать предметом отдельного занятия или темой курсовой работы по данному предмету.

Особо следует остановиться на соотношении запрета дискриминации по признаку языка с другими правами человека. Наиболее тесно право не быть дискриминируемым по языковому признаку связано с правом человека на свободу выражения. Многие споры, связанные с использованием языков меньшинств в публичной сфере, нашли свое разрешение в практике международных органов именно в контексте права на свободу выражения, а не в контексте права на защиту от дискриминации (решения КПЧ ООН «Доминик Гесдон против Франции» (*Dominique Guesdon v. France*) и «Ив Кадоре и Эрве Ле Бихан против Франции» (*Yves Cadoret and Hervé Le Bihan v. France*). При этом ни Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 19, ни Европейская конвенция в ст. 10 не говорят о свободе выражения как о свободе выражения на любом языке по своему выбору.

Аналогичным образом Комиссия Совета Европы признала неприемлемой жалобу «Сен-Пьер против Бельгии» (*St Pierre v. Belgium*), не нашла нарушения в деле «Х. против Ирландии» (*X. V. Ireland*), а в деле «Фризская национальная партия против Нидерландов» (*Fryske Nasionale Partj v. Netherlands*) вновь подтвердила, что свобода выражения не гарантирует права использовать в административных делах любой язык по своему выбору. Эти дела подтверждают общий подход, сложившийся в международном праве, что ограничения в выборе языка не являются дискриминацией, поскольку ни одно из положений международных договоров не гарантирует права на свободный выбор языка в сфере государственного управления или публичной жизни.

Однако если публичная власть препятствует праву пользоваться своим родным языком в частной жизни, как в письменной, так и в устной форме, то это должно рассматриваться как нарушение права на свободу мнения и слова и дискриминационные действия. Материал по данному вопросу можно найти в книге де Варенна «Языки национальных меньшинств»

¹ Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (в ред. ФЗ от 28.02.2008) // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 150; Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (в ред. ФЗ от 01.12.2007) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2965; Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (в ред. ФКЗ от 30.12.2006, с изм. от 21.02.2007) // Собрание законодательства РФ, 05.07.2004, № 27, ст. 2710; Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» от 18.12.1997 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 22.12.1997, № 51, ст. 5718; Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. ФКЗ от 05.04.2005) // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997, № 1, ст. 1.

(Издательство «Юрист», 2002 г.). Из практики ЕСПЧ можно обратиться к анализу дела Улусой и другие против Турции», рассмотренном ЕСПЧ 3 мая 2007 г. (жалоба № 34797/03), в котором запрет турецких властей на постановку в театре пьесы на курдском языке был признан нарушением требований ст. 10 о свободе выражения мнения, а вопрос о языковой дискриминации даже не поднимался.

Европейский Суд по правам человека в последние годы рассмотрел целый ряд дел, связанный с написанием имен и фамилий, в которых заявители утверждали, что стали жертвой вмешательства в их частную жизнь и подверглись дискриминации, поскольку написание их фамилии, имени и отчества в документах на государственном языке было истолковано по сравнению с традиционным и принятым в их родном языке. Показательными являются решения «Менцен или Менцена против Латвии» (*Mentzen alias Mencena v. Latvia*)¹ и «Кухарец или Кухареца против Латвии» (*Kuharec alias Kuhareca v. Latvia*)², а также «Булгаков против Украины». К сожалению, решения по данной категории дел показывают, что ЕСПЧ пытается уйти от обсуждения напрямую вопросов дискриминации по признаку языка, хотя имплицитно из текста решений видно, что Суд подозревал наличие в действиях властей Украины и Латвии дискриминационных мотивов, иначе вряд ли бы стал подробно исследовать вопросы языковой политики государств. Важно отметить, что ЕСПЧ использует достаточно осторожный подход, оставляя за государствами «определенное поле усмотрения при оценке, оправдывают ли и в какой мере различия в схожих по иным основаниям ситуациях различное обращение в силу закона»³.

Анализ судебной практики Совета Европы и национальных судов показывает, что применение в правоприменительной практике принципа недискриминации по языковому признаку является более сложной задачей, чем анализ споров в контексте права на свободу выражения. Это связано, по мнению де Варенна, с тем, что право не быть дискриминированным «менее абсолютно» по своей природе, чем право на свободу выражения, а следовательно, в каждом конкретном случае «судья должен взвешивать интересы личности и интересы и возможности государства с тем, чтобы оценить, являются ли языковая политика и предпочтения государства и его органов необоснованными. И если являются, то лишь тогда их можно считать дискриминационными».⁴ В этом контексте интересно заметить, что в решении Конституционного Суда РФ по делу

¹ *Mentzen alias Mencena v. Latvia*, решение о неприемлемости по жалобе № 71074/01, ECHR 2004-XII.

² *Kuharec alias Kuhareca v. Latvia*, решение о неприемлемости по жалобе № 71557/01 от 7 декабря 2004 г.

³ *Bulgakov v. Ukraine*, решение от 11 сентября 2007 г., абз. 57.

⁴ De Varennes, Ferdinand. *Language, Minorities and Human Rights*. Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, vol.45, 1996, p. 54.

о выборе алфавита для татарского языка вопрос о свободе выражения даже не исследовался¹.

Достаточно часто дискриминацию по языковому признаку суды претодвращают в контексте права на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство. Например, в РФ ст. 18 УПК гарантирует всем участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется судопроизводство по уголовному делу, делать заявления, заявлять ходатайства, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде и т.д. на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика.

В 1970 г. Верховный Суд США в решении по делу «Соединенные штаты со стороны Негрона против Нью-Йорка» (*U.S. ex rel. Negrón v. New York*) признал за обвиняемыми в уголовном процессе право на предоставление переводчика для соблюдения надлежащей судебной процедуры. Отличный от этого подход содержится в решениях КПЧ ООН по так называемым «бретонским делам» («Гуесдон против Франции», «Т.К. против Франции», «М.К. против Франции»), в которых КПЧ не нашел нарушений ни статьи о свободе выражения, ни статьи о дискриминации.

Владение или невладение государственным или официальным языком может стать препятствием для реализации избирательных прав граждан. В деле «Антонина Игнатане против Латвии» (*Antonina Ignatane v. Latvia*)² КПЧ признал наличие дискриминации по признаку языка (нарушение ст. 2 МПГПП) в совокупности с нарушением права заявительницы на участие в местных выборах в качестве кандидата без какой-либо дискриминации (ст. 25 Пакта).

Вне взаимосвязи с иными правами лингвистическая дискриминация редко становится объектом рассмотрения международными органами. КПЧ ООН нашел нарушение ст. 26 только в деле «Дирхардт и другие против Намибии» (*Diergaardt v. Namibia*)³. Данное решение целесообразно обсудить на практическом занятии. Важность решения состоит в том, что теперь есть возможность оспаривать как дискриминирующие по языковому признаку положения законодательства, устанавливающие преференции для какого-

1 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан "О языках народов Республики Татарстан", части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан "О государственных языках Республики Татарстан и других языках в республике Татарстан", пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан "Об образовании" и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации "О языках народов Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан от 16 ноября 2004 г».

² *Antonina Ignatane v. Latvia*, 25 July 2005. Communication No. 884/1999, CCPR/C/72/D/884/1999.

³ Communication No. 760/1997. *J.G.A. Diergaardt (late Captain of the Rehoboth Baster Community) et al. v. Namibia*. Views of 25 July 2000, CCPR/C/69/d/760/1997.

либо одного языка, если ставится под сомнение их разумность и удастся доказать их необъективный, произвольный характер.

На региональном уровне одним из первых дел, в котором был поднят вопрос о языковой дискриминации, стало рассмотренное Комиссией Совета Европы, а затем и Европейским Судом по правам человека «Дело о языках в Бельгии» (*The Belgian Linguistic Case*)¹. При его разрешении, однако, ЕСПЧ не стал выводить из положений Конвенции гарантий лингвистических прав в образовании. Следующим делом, поднимавшим вопросы языковой дискриминации перед ЕСПЧ, стало дело «Матье-Моэн и Клерфайт против Бельгии» (*Mathieu-Mohin & Clerfayt v. Belgium*)², в котором Суд признал, что у заявителей были основания ставить вопрос о применимости статьи 14 Конвенции, запрещающей дискриминацию, но, в конечном итоге, пришел к выводу, что обстоятельства дела не позволяют сделать вывод о нарушении ее положений.

Что же касается стандартов Европейского Союза, то здесь важно обратить внимание на то, что Договор о Европейском Союзе, хотя и содержит специальную норму о запрете дискриминации (ст. 13, бывшая ст. 6а), не содержит «язык» в перечне признаков, по которым она запрещена (хотя содержит пол, расу, этническое происхождение, религию и верования, инвалидность, возраст, сексуальную ориентацию). При рассмотрении практики Суда ЕС (судебного органа ЕС, находящегося в Люксембурге) предлагается проанализировать решения «Грёнер против Министра образования» (*Groener v. Minister for Education*)³, *Ministère Public v. МШЖ11*⁴, «Ангонесе против Банка Бользано» (*Angonese v. Casa di Risparmio di Bolsano*)⁵. Суд ЕС рассматривает языковые споры преимущественно в контексте свободного перемещения рабочей силы внутри ЕС, и поэтому признает требования владения одним или несколькими языками, предъявляемыми к работникам, недискриминационными только при наличии объективных причин и пропорциональности этих требований преследуемой цели. В то же время, ЕЕС рассматривает проблему языковой дискриминации не абстрактно, а применительно только к странам, входящим в ЕС, т.е. то, что могло бы считаться дискриминацией по языковому признаку применительно к гражданам стран ЕС, не будет таковым в случае, если в схожей ситуации окажется гражданин не из страны ЕС.

На национальном уровне дела о дискриминации по признаку языка неоднократно рассматривали суды США, Канады и Великобритании. Их подход интересен тем, что защита от дискриминации предоставлялась истцам независимо от того, что в конституциях и законодательстве данных стран

¹ Решение от 23 июля 1968 г. (№ 6) // 1 E.H.R.R. 252.

² *Mathieu-Mohin & Clerfayt v. Belgium*, Series A, No. 113 (1997).

³ Case 379/87, [1989] ECR 3967, [1990] I CMLR 401.

⁴ *Ministère Public v. Mutsch*, Case 137/84 (1985), European Court Reports 2681.

⁵ *Angonese v. Casa di Risparmio di Bolsano*, Case C-281/98 (2000), European Court Reports I - 4139.

отсутствуют конкретные указания на запрет языковой дискриминации как таковой. Запрет на языковую дискриминацию выводится судами этих стран на том основании, что языковая дискриминация косвенным образом затрагивает жертв нарушений из-за их расовой или национальной принадлежности, а раса и национальность уже входят в список недопустимых дискриминирующих признаков. Но хотя федеральные суды США последовательно запрещают в своих решениях дискриминацию лиц по признаку языка, когда она сопутствует или является формой дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, они не склонны признавать право на двуязычие при общении в публичной сфере для неанглоязычных жителей, которое могло бы оказать им помощь в обеспечении равного доступа к управлению делами государства. Английский язык, на котором говорит 98% населения США, никогда не был законодательно закреплен в качестве государственного или официального, но всегда имел главенствующее положение. К 1919 г. 23 штата приняли законы, запрещающие обучение в школах на любом ином, кроме английского, языке. Это породило судебное дело о языковой дискриминации «Мейер против Небраски» (*Meuer v. Nebraska*), в котором Верховный Суд США принял решение о том, что законодательство штата Небраска нарушает принцип равенства, поскольку право родителей нанимать частного учителя для обучения ребенка на иностранном языке защищено от государственного вмешательства на основании положения о надлежащей процедуре, предусмотренного 14-й Поправкой.

Особняком в американском прецедентном праве стоит дело «Ло против Николса» (*Lau v. Nichols*). В нем речь шла о группе китайских студентов из Сан-Франциско численностью около 1800 человек, не говоривших по-английски. Истцы оспаривали положение закона, согласно которому обучение в школах Калифорнии должно было вестись на английском языке и свободное владение английским было условием получения аттестата зрелости. Верховный Суд США решил, что дети, которые не понимали по-английски, подвергались дискриминации в сфере образования, поскольку не получали необходимых знаний.

В Канаде языковые права защищены Актом о Британской Северной Америке 1867 г. и Канадской Хартией Прав и Свобод, которая является приложением к Конституционному Акту 1982 г., а также Хартией французского языка. За исключением Квебека и Юкона, лингвистическая дискриминация прямо не запрещена. Официальными языками федерации являются как английский, так и французский языки, и оба языка могут использоваться в парламенте и перед судом. В Великобритании вопросы языковой дискриминации рассматриваются в свете Акта о расовых отношениях и Акта об ирландском языке. Здесь в целом признается, что требование говорить или писать на конкретном языке может стать необоснованно наложенным бременем, но каждая ситуация исследуется судом отдельно.

В результате анализа практики рассмотрения международными органами дел, в которых поднимался вопрос о языковой дискриминации, студенты должны выявить общий подход к решению ими вопроса о свободе выбора языка общения, который состоит в том, что у каждого есть право передавать

информацию кому угодно, включая правительство, и получать ее на языке по своему выбору без вмешательства государства, но у государства нет соответствующей обязанности получать эту информацию или передавать ее. Государство имеет право выбрать для использования в государственной сфере лишь тот язык, который оно установило в качестве государственного или официального, и вправе наложить обязательство на субъектов права общаться с государственными органами только на этом языке. Что же касается частной сферы жизни индивидов, то в ней каждый вправе реализовывать свое право на свободу выражения на любом языке по своему выбору. И хотя использование государственного либо других официальных языков государства накладывает дополнительное бремя на тех, для кого этот язык не является родным, считается, что в большинстве случаев оно может быть обосновано наличием публичного интереса. Если же такое бремя является необоснованным и бессмысленным, возникает проблема дискриминации по признаку языка (см. «Дирхаардт и др. против Намибии»).

В целом суды не очень активно поддерживают и развивают концепцию языкового равенства и недискриминации по признаку языка, в том числе в контексте права на свободу выражения или общих положений о равенстве, предоставляя в конкретных обстоятельствах лишь ограниченную защиту жертвам нарушений. Если более-менее понятно, что является проявлением дискриминации по признаку языка в частной жизни, то понимание того, что представляют собой дискриминационная практика или неоправданное ущемление языковых прав публичной властью, гораздо сложнее. Для иллюстрации данного положения можно предложить студентам поразмыслить над следующими вопросами: можно ли считать необоснованным и неопределенным отказ публичной власти от осуществления определенных действий на родном языке индивида? Является ли дискриминацией отказ государства или местной власти открыть школу или специализированный класс с обучением на конкретном языке? Является ли дискриминацией национальных меньшинств по языковому признаку установление в качестве государственного только одного или нескольких языков? Будет ли дискриминацией отказ государства предоставить финансирование для издания газеты на языке какого-либо меньшинства в месте его компактного проживания? Вправе ли языковые меньшинства использовать свои родные языки в коммерческой рекламе в местах общего доступа? Вправе ли языковые меньшинства без вмешательства государства использовать любой шрифт для своей письменности по своему выбору? На эти вопросы студенты должны попытаться найти ответ после изучения соответствующего нормативно-правового материала и знакомства с российской и зарубежной судебной и законодательной практикой.

Желание уйти от рассмотрения споров в контексте доктрины дискриминации по признаку языка прослеживается и в решениях Конституционного Суда РФ. Проверяя конституционность положений законодательства республик в составе РФ, которые установили в качестве обязательного условия для избрания на пост президента республики свободное владение государственным языком республики, КС РФ признал такие нормы не

соответствующими Конституции РФ, но не назвал их прямо дискриминационными¹.

В настоящее время исследователи предлагают рассмотреть возможность разработки и принятия в рамках механизмов ООН Конвенции о языковых правах, в которой были бы более четко сформулированы понятия языкового равенства и дискриминации по признаку языка. Совершенно очевидно, что ни одна языковая политика не решит полностью всех проблем, но вопрос о том, как обеспечить подлинное равенство в языковой сфере, найдя тот баланс, когда проведение необходимых и разумных различий не перерастает в дискриминацию, требует своего решения как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств.

Методические рекомендации по проведению семинарского занятия

Цель практического занятия: углубление и обобщение теоретических знаний о механизмах защиты от языковой дискриминации, полученных слушателями на лекционном занятии, а также приобретение практических умений и навыков, необходимых для судебной защиты лиц, считающих себя жертвами дискриминации по признаку языка.

Задачи семинарского (практического) занятия: рассмотрение основных подходов к пониманию языкового равенства и дискриминации по признаку языка; анализ нормативно-правового закрепления запрета дискриминации по признаку языка на международном, региональном и внутригосударственном уровнях; изучение и анализ судебных решений международных органов и национальных судов по делам, в которых ставился вопрос о наличии языковой дискриминации; изучение критериев оценки фактов для решения вопроса о наличии или отсутствии языковой дискриминации; приобретение навыка в выражении своей позиции по делу; составление процессуальных документов в области защиты личности от дискриминации по признаку языка.

Задания и вопросы для обсуждения

Задание 1. Анализ дела «Дирхардт и другие против Намибии» (Communication No. 760/1997. J.G.A. Diergaardt (late Captain of the Rehoboth Baster Community) et al. v. Namibia. Views of 25 July 2000, CCPR/C/69/d/760/1997.) . Текст решения содержится во втором томе «Хрестоматии».

До знакомства с текстом решения КПЧ по данному делу, руководствуясь ранее изученным материалом, студентам предлагается написать свои аргументы в пользу заявителей и в пользу правительства Намибии, а также свой

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 1997 г. «По делу о проверке конституционности положений статьей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан "О Президенте Республики Башкортостан" и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан "О выборах Президента Республики Башкортостан"».

вариант решения. После этого необходимо обсудить решение КПЧ и изложить свои аргументы, согласны или нет студенты с тем подходом, который был в нем применен.

Задание 2. Анализ казуса об отказе суда предоставить обвиняемому текст обвинительного заключения в переводе на карачаевский язык.

Комментарии для преподавателя: Вывод Верховного Суда Карачаево-Черкесской республики о том, что в ходе расследования не нарушены требования ч.3 ст. 18 УПК РФ, был признан Верховным Судом РФ ошибочным, и приговор по делу отменен (Бюллетень Верховного Суда РФ № 9, сентябрь 2004 г.). В контексте обсуждаемой темы следует сделать акцент на то, что, хотя обстоятельства дела рассматривались с точки зрения ст. 18 УПК (язык уголовного судопроизводства), само наличие гарантий защиты права обвиняемого получать все материалы уголовного судопроизводства на родном языке или ином, которым он владеет (причем определять, владеет ли он языком, может только сам обвиняемый), является средством защиты от дискриминации по языковому признаку, поскольку в ином случае лица, владеющие языком, обладали бы правом на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию в большей мере, чем те, кто не понимает сути предъявленных обвинений вследствие языкового барьера.

Задание 3. Обсуждение концепции языкового равенства и языковой недискриминации.

Всегда ли нарушение принципа языкового равенства приводит к дискриминации? Имеет ли значение число говорящих на том или ином языке для решения вопроса о наличии дискриминации или ее допустимости? Является ли дискриминация по признаку языка частью дискриминации по национальному признаку или имеет самостоятельное значение?

Комментарии для преподавателя: Известный исследователь в области прав меньшинств Уилл Кимлица, рассматривая проблему языковых прав, поставил вопрос: почему в соответствии со сложившимся подходом, франкофоны в Квебеке должны иметь возможность требовать судебного разбирательства или образования на родном языке за счет казны, а грекоговорящие или суахилиговорящие не должны?¹ Один из предлагаемых им ответов — потому что языковые права являются компонентом национальных прав французских канадцев. Поскольку иммигранты не являются национальными меньшинствами, они не получают языковых прав. Соответственно, в случае с иммигрантами не встает и вопрос о языковой дискриминации. Однако должен ли вопрос о языковой дискриминации решаться по-разному в зависимости от того, является ли государство мононациональным, или от того, сколько национальных меньшинств проживает на его территории (например, три или сто тридцать три)? Должна ли быть разница в языковых

правах, не считающаяся дискриминацией по языковому признаку, у основного населения и иммигрантов? Как можно прокомментировать положение российской конституции, согласно которому республики в составе РФ могут устанавливать свои государственные языки (и, соответственно, вести судопроизводство на этих языках), в то время как другие народности в составе РФ не могут претендовать на статус своих языков как государственных? Какие аргументы «за» и «против» можно привести?

При размышлении над заданными вопросами необходимо обратить внимание на то, что ответ будет зависеть от исходной позиции слушателя и лектора при определении сущности языковых прав: рассмотрения их в контексте права на свободу выражения, в контексте права на доступ к другим правам (который сильно зависит от возможности пользоваться языком и от степени владения им), в контексте права человека на сохранение своей идентичности и целостности как личности или других аспектов. Следует рассмотреть и кратко обсудить такие причины для включения языка в перечень оснований, по которым запрещается дискриминация: свободное и полное развитие личности в условиях равенства (как это определено в Рекомендациях Осло); самобытность личности и народа; устранение исторической несправедливости; забота о сохранении культурного наследия; поддержка многообразия мира; боязнь того, что один какой-то язык станет доминирующим, и др.

Необходимо также обратить внимание на то, в какой мере прагматические, экономические соображения и соображения, связанные с защитой целостности и единства национального государства, влияют на решение вопроса о том, допущена ли дискриминация по языковому признаку в каждом конкретном случае. Должны ли эти проблемы учитываться при решении вопроса о наличии или отсутствии дискриминации? Относится ли право на свободу от дискриминации к числу прав, которые могут подвергаться ограничениям? Если нет, то могут ли тогда интересы государства оправдывать дискриминацию по языковому признаку? Если да, то каким ограничениям и в каких условиях? Любые аргументы необходимо подтверждать ссылками на международно-правовые документы, положения конституций и законов о языках, судебные решения соответствующих стран. При анализе проблемы взаимосвязи языковых прав и свободы от дискриминации по языковому признаку важно обратить внимание на то, что языковые права являются коллективными правами, в то время как свобода от дискриминации по языковому признаку — индивидуальное право каждого человека.

Задание 4. Обсудите следующие вопросы.

Можно ли говорить о языковой дискриминации русскоязычного населения в отдельных республиках РФ, если жители, чьим родным языком является русский: а) обязаны изучать государственный или официальный язык республики; б) сдавать экзамен на знание государственного языка республики для поступления на определенные государственные должности; в) свободно владеть государственным языком для поступления на работу на предприятия бытового обслуживания или в коммерческом секторе?

Комментарии для преподавателя: При обсуждении вопроса необходимо проанализировать положения Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств: позитивные действия принимаются тогда, когда есть не только численное меньшинство, но и неблагоприятное положение, отсутствуют средства защиты, нет возможности выровнять это положение без принятия дополнительных мер, а у русского языка хорошая степень защиты как у государственного. Необходимые аргументы содержатся также в Постановлении Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан "О языках народов Республики Татарстан", части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан "О государственных языках Республики Татарстан и других языках в республике Татарстан", пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан "Об образовании" и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации "О языках народов Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан от 16 ноября 2004 г.»

Задание 5. Анализ дела ЕСПЧ о написании имен собственных.

Комментарии для преподавателя: ЕСПЧ неоднократно рассматривал дела по ст. 8 (право на частную жизнь) применительно к спорам, касающимся использования имен и фамилий (*Burghartz v. Switzerland*, 22 Feb. 1994; *Stjerna v. Finland*, 25 Nov. 1994; *Bijleveld v. The Netherlands*, 29 June 1999; *Taieb, known as Nlimi v. France*, 20 March 2001; *Petersen v. Germany*, 6 Dec. 2001 и др.). Были также рассмотрены жалобы *Mentzen alias Mencena v. Latvia* и *Kuharec alias Kuhareca v. Latvia* со схожими фабулами, которые были признаны судом неприемлемыми. При анализе данного дела студенты должны попытаться найти сходства и различия с указанными прецедентами ЕСПЧ и вывести свой вариант решения спора. В ходе дискуссии следует обсудить, согласны ли они с выводами и подходом ЕСПЧ и почему. Поскольку заявитель обжаловал принятое решение в Большую Палату, окончательный исход дела пока не известен. В качестве письменного задания можно предложить студентам составить от имени заявителя текст жалобы в Большую Палату Европейского Суда по правам человека.

Задание 6. Обсуждение связи языковой дискриминации с дискриминацией в сфере образования.

Является ли дискриминационным отказ в преподавании ряда предметов на родном языке для учащихся, не владеющих официальным или государственным языком? Этот вопрос касается, например, права цыганских детей получать начальное образование на родном языке. Будет ли дискриминацией по признаку языка включение их в русскоязычные классы, если они не говорят на русском языке? Или наоборот, дискриминационным обращением будет создание для них специальных, изолированных классов под предлогом невладения ими языком обучения?

Комментарии для преподавателя: для обсуждения данной проблемы предлагается провести ролевую игру: разбить студентов на 2 группы, одна из которых будет отстаивать точку зрения, что выделение цыганских или таджикских детей в отдельные специализированные классы в начальной школе не является дискриминацией и, наоборот, создает условия для их выравнивания в образовательном процессе, другая будет настаивать на том, что разделение по признаку языка является сегрегацией и ставит учащихся таких классов в заведомо неравное положение, потому что образование в таких классах будет ниже по уровню.

При анализе дела следует обратить внимание на аргументы, которые содержатся в решении Верховного Суда США «Браун против департамента образования», изученном при прохождении раздела о расовой дискриминации, в решении ЕСПЧ по делу «Д.Г. и др. против Чешской Республики» от 7 февраля 2006 г. и в решении Большой Палаты ЕСПЧ «Д.Г. и др. против Чешской Республики» от 13 ноября 2007 г.

Задание 7. Анализ казуса по ст. 19 (5) закона Латвии «О радио и телевидении» от 1995 г., которым запрещалось вещание на частных каналах на иностранных языках (включая русский).

Комментарии для преподавателя: Группа депутатов Сейма обратилась в Конституционный Суд Латвии с требованием проверки соответствия упомянутого положения закона Конституции международным обязательствам Латвии в области прав человека. Депутаты утверждали, что закон является дискриминационным, поскольку ограничивает право на получение и передачу информации на языках национальных меньшинств. КС Латвии напомнил, что свобода выражения, одним из проявлений которой является право на свободное распространение и получение информации, не абсолютна и может быть ограничена государством. Оспариваемое ограничение, по мнению КС, преследовало законную цель объединения латвийского общества и защиты демократии путем поддержки государственного языка и усиления его роли в общественной жизни, но не было пропорциональным и эффективным, поскольку национальные меньшинства, не имея возможности смотреть местные каналы, обращались к иностранным. Опыт Эстонии показывает, что вещание на иностранных языках не препятствует, а способствует процессу общественной интеграции. Кроме того, меры по защите латышского языка носили дискриминационный характер, так как в отличие от телерадиовещательных компаний кабельное и спутниковое телевидение и печатные СМИ не были затронуты ими. КС Латвии объявил оспариваемую норму противоречащей Конституции Латвии.